

ПО ЗАВЕТУ МОГИЛЕВСКИХ СЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ: БЕЛОРУСОВЕДЧЕСКИЕ ТРУДЫ И. И. НОСОВИЧА (1788–1877)

*Памяти Тамары Михайловны Судник (1939–2021) –
многолетнего сотрудника Института славяноведения РАН,
редактора Патриаршего издательско-полиграфического центра
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры*

Аннотация. Интерес к изучению истории и культуры белорусского народа, возникший в первой половине XIX столетия, способствовал появлению в его среде первых ученых, часть которых не была профессионально подготовлена, но в силу своего таланта смогла сделать очень многое не только для развития науки, но и сбережения своей национальной исторической памяти. Именно таким был И. И. Носович (1788–1877), выходец из восточнобелорусской священнической среды, получивший семинарское образование, преподававший во многих учебных заведениях, руководивший ими и, наконец, выйдя в отставку в чине надворного советника, занявшийся не без влияния вдохновляющих советов могилевских священнослужителей научными исследованиями словесной культуры своего народа. С конца 1840-х до середины 1870-х годов им были созданы и опубликованы многие белорусоведческие труды, остающиеся востребованными по сей день не только учеными, но и обществом в целом. И. И. Носович был еще и поэтом, переводчиком, а также вдумчивым православным полемистом. Многие из его научно-литературного наследия до сих пор остаются ненапечатанным. По прошествии более полутора веков мы публикуем в настоящей статье ряд фрагментов из этих, столь дорогих И. И. Носовичу, рукописей.

Ключевые слова: Носович Иван Иванович, православие, белорусский язык и культура, белорусоведение.

Ссылка при цитировании: Лабынцев Ю. А. По завету могилевских священнослужителей: белорусоведческие труды И. И. Носовича (1788–1877) // Традиции и современность. 2025. № 41. С. 69–85

Лабынцев Юрий Андреевич (Labyntsev Yuriy Andreevich) – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, эл. почта: u.labynceva@inslav.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7900-6143>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2025. № 41. С. 69–85

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 393.05; ББК – 86.372.24-54; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2025-41/69-85>

В истории восточнославянских гуманитарных исследований надворному советнику Ивану Ивановичу Носовичу принадлежит одно из самых почетных мест первооткрывателей. Он одновременно выпускник Могилевской духовной семинарии и будущий ректор Мстиславльского духовного училища, зачинатель белорусоведческой науки, белорусской филологии и этнографии. Вместе с тем нельзя сказать, что творческое наследие И. И. Носовича хорошо изучено; до сих пор даже не написана ни одна более или менее обстоятельная научная работа о его жизни и деятельности. Совершенно удивительно также, что по сей день полностью не опубликованы интереснейшие двухтомные рукописные мемуары этого весьма наблюдательного свидетеля сразу нескольких исторических эпох, очевидца множества важнейших событий в истории Российской империи и, конечно же, своей родной Белоруссии.

Собственно часть этих мемуаров И. И. Носовича, озаглавленных автором «Воспоминания моей жизни», с большими трудностями удалось опубликовать только в 1997 г. Тамаре Михайловне Судник, дочери директора Института языкознания им. Якуба Коласа НАН Беларуси М. Р. Судника, возвратившего их в Белоруссию (*Иван Носович* 1997). Ей, московскому ученому-филологу, незадолго до кончины отца вместе с родными удалось частично осуществить его давнишнюю мечту, реализовать которую ранее было совершенно невозможно, а «публикацию же отдельных фрагментов» мемуаров И. И. Носовича, «тем более с неизбежными купюрами, он считал нецелесообразной» (*Судник* 1997: 255). Кстати, эти рукописные «Воспоминания» И. И. Носовича в свое время послужили А. Н. Пыпину для написания первой краткой биографической заметки о нем, ибо до той поры сведений таких «в литературе... не было; даже в изданиях официальных, печатавших труды Носовича, не было его некролога» (*Пытин* 1892: 148–149). Важную роль в судьбе этих «Воспоминаний» сыграл известный исследователь, могилевчанин П. В. Шейн, заслуженно коривший своих земляков и представителей молодой белорусоведческой науки в отсутствии интереса к «обнародованию материалов для жизнеописания» И. И. Носовича (*Шейн* 1900: 1–2, 12). Сам же П. В. Шейн начиная с 1878 г. в течение нескольких лет настойчиво убеждал сына И. И. Носовича Василия Ивановича (1826–1899) написать об отце, что в конечном итоге поспособствовало особому интересу обоих к рукописным «Воспоминаниям». Для них эти мемуары открыли не только внутренний мир И. И. Носовича, но и особенности исторических эпох, в которых он жил. П. В. Шейн настойчиво призывал немедленно «издать пока еще можно» эти мемуары – интерес-

Иван Иванович Носович

Фотография сделана в последние годы его жизни

нейший источник «общественной и политической жизни Белоруссии в конце 18-го и первой половины 19-го столетия» (*Шейн* 1900: 12–13).

В. И. Носович, в дальнейшем даже составивший объемный рукописный указатель к «Воспоминаниям» своего отца, а также предисловие и заключение, сообщил П. В. Шейну и об обстоятельствах начала белорусоведческих исследований И. И. Носовича: «Первую мысль заняться собиранием материалов по белорусской этнографии подали ему белорусские священники» (*Шейн* 1900: 8). А было это так: «В праздник Рождества Христова... в гостях... много священников... людей образованных... все советовали мне заняться белорусским наречием, богатым предметом для разработки его. С этого времени я начал собирать материалы для составления словаря белорусского наречия и с начала 1848 года положил начало по этому предмету» (*Шейн* 1900: 8).

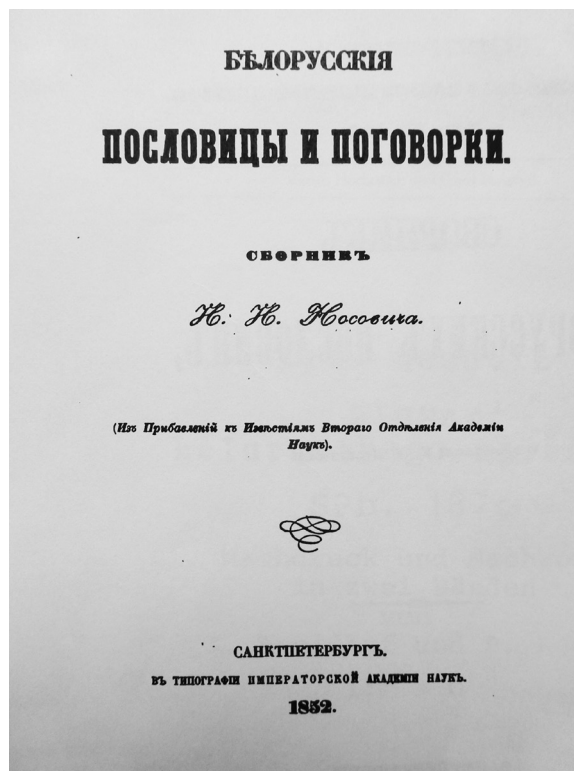
В 1848 г. И. И. Носовичу исполнилось 60 лет; за три года до этого он вышел в отставку в звании надворного советника, купил дом в г. Мстиславле, где и поселился. Обо всем этом подробнейшим об-

разом рассказано самим Иваном Ивановичем в его объемных рукописных мемуарах «Воспоминания моей жизни», в которых повествование доведено фактически до начала 1870-х годов. Перед нами предстает история одного из старинных белорусских священнических родов Могилевщины, начатая автором от упоминания прадеда, священника православной церкви местечка Кадино. Это были времена, предшествующие Первому разделу Речи Посполитой 1772 г., на самом крайнем восточном рубеже которой находилось Кадино. Сам Иван Иванович «родился в 1788 г. в селе Грезивце Быховского уезда Могилевской губернии в православной семье причетника, который впоследствии был рукоположен в священники» (Шейн 1900: 3). С 1798 по 1812 г. И. И. Носович учится в Могилевской духовной семинарии и его судьба становится сродни судьбам многих белорусских поповичей, ставших основой национальной духовной корпорации, всегда столь значительно влиявшей на народную жизнь. С августа 1813 г. Иван Иванович назначается инспектором Оршанского духовного училища, в 1814 г. его переводят на те же должности в Мстиславльское духовное училище, где в 1818 г. он становится ректором. Растущее семейство заставляет его пойти на более выгодную службу в ведомство Министерства народного просвещения. Он выступает в качестве организатора Динабургской гимназии, позднее является смотрителем Молодеченского и Свенцянского дворянских училищ. В Свенцянах И. И. Носович с семейством прожили десять лет. Это было весьма тревожное время на западнобелорусских землях, наступившее после польского восстания 1830–1831 гг. Учебные заведения расформированного в 1832 г. Виленского учебного округа в основном отошли к Белорусскому учебному округу, центр которого тем не менее в 1836 г. был перенесен из Витебска в Вильно. Свенцянские годы ознаменовались важной поездкой И. И. Носовича в Санкт-Петербург с сыном Василием, который получит в столице империи высшее образование. Впоследствии и сам Иван Иванович, подготавливая к печати свои труды, проведет здесь немалое время, в том числе будучи уже в восьмидесятилетнем возрасте.

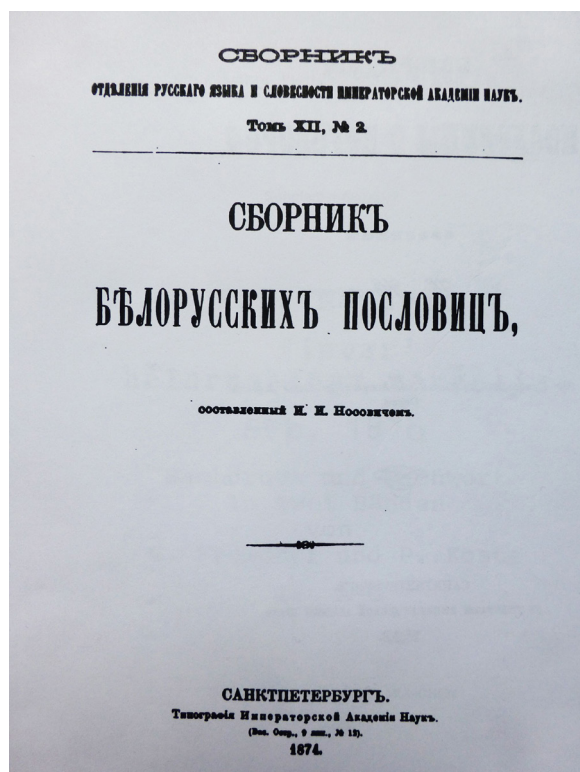
1843–1844 гг. – время особого внимания И. И. Носовича к белорусской национальной идее, которую он неразрывно связывал с православием. Сохранился его довольно пространственный рукописный отклик на опубликованный летом 1843 г. в журнале «Москвитянин» путевой очерк П. Кушина «Гецыки», в котором автор как бы подменяет само наименование белорусов обидным словом «гецыки» (Кушин 1843: 383–412). Негодование Ивана Ивановича в этом не публиковавшемся до сих пор отклике (основную часть которого мы публикуем в конце

этой статьи)¹, отчасти сродни возмущению Р. Подберезского, «Литвина родом», которое он излил на страницах известного польскоязычного «Петербургского еженедельника», восстав против «насмешливого названия народа – “гецыки”» (*Podbereski* 1844: 489–490). У нас нет ни малейшего сомнения в том, что этот рукописный отклик И. И. Носовича стал в дальнейшем одним из существеннейших отправных моментов в его научной биографии, точкой отсчета в его собственно белорусоведческом поиске, так сказать, идейно-национальной вдохновляющей основой всей дальнейшей исследовательской работы пожилого и даже старого по тем временам человека.

Первая печатная работа И. И. Носовича, опубликованная под его именем, вышла в свет в 1848 г. в нескольких номерах «Могилевских губернских ведомостей» (Носович 1848). По существу это был антиуниатский трактат, основанный на анализе одного из примечательных, но забытых событий, связанных с пребыванием императора Петра I в Париже в 1717 г., когда «явление великого и могущественного Монарха знаменитейшей в свете державы, твердой хранительницы и усердной защитницы Правосла-

Обложка одной из первых публикаций И. И. Носовича «Белорусские пословицы и поговорки», выпущенной также в виде отдельного оттиска в Санкт-Петербурге в 1852 г.

Титульный лист «Сборника белорусских пословиц», составленного И. И. Носовичем (СПб., 1874)

вия, воскресило в умах Сорбонских богословов и учителей любимую всего Римского Духовенства многовековую мечту о присоединении Российской Церкви к Римскому Духовному престолу» (Носович 1848. № 17: 296). В своем аргументированном аналитическом комментарии Иван Иванович напоминает, к чему приводили шаги в реализации подобной мечты, когда «отторгнутая часть Православной Российской Церкви в Белоруссии, Малороссии, Литве и Польше... окрещенная Римлянами именем Унии... не слезами, а мученическою кровью омывала защищение православия» (Носович 1848. № 25: 434). Непосредственный свидетель и участник процесса возвращения населения белорусских земель к вере своих предков – православию, И. И. Носович подводит однозначный итог более чем двухвековой истории принятия Унии: «Это отпадение, или лучше насильственное отторжение, как целому телу Православной Российской церкви причинило глубочайшую болезненную рану, так равно было весьма губительно и для отторгнутой части... теряя первобытную чистоту своего природного исповедания, она... угождая Римской церкви и Папам, принимала хаотический характер, или странную смесь двух разнородных форм в Богослужении, в Христианских обрядах, самом вероисповедании и даже в самом образе жизни» (Носович 1848. № 25: 434). Этот

трактат не терял и в дальнейшем своей значимости и был переиздан в 1869 г. в журнале «Странник» (Носович 1869: 115–161).

На Могилевщине появление в печати антиуниатского трактата Ивана Ивановича стало весьма заметным событием, еще более сблизившим автора с редактором «Могилевских губернских ведомостей» С. И. Соколовым и местным образованным православным сообществом, видимо, не исключая самого могилевского владыку епископа Анатолия (Лабынцев, Щавинская 2025: 104–114). Тогда же, в конце 1840-х годов, в «Могилевских губернских ведомостях» появляется ряд анонимных публикаций, которые можно предположительно связать с И. И. Носовичем. Они касались различных явлений православной жизни и даже первых наблюдений над белорусским языком, включая русифицированные публикации белорусских загадок (Загадки / Разгадки 1849). После смерти отца В. И. Носович вспоминал: «В 1850 году Ив. Ив. представил во II отделение Императорской Академии наук: 1) краткое филологическое наблюдение над белорусским наречием, 2) Краткое собрание белорусских слов и 3) Сборник (до 1000) белорусских пословиц... В 1852 г. им представлен был академику Изм. Ив. Срезневскому сперва сборник народных белорусских басен, повестей и былей, а вслед за тем и другой сборник белорусских песен... оба эти сборника Ивана Ивановича пропали и, как кажется, бесследно» (Шейн 1900: 9). Тогда же начинается история его борьбы за право работы над изданием белорусского словаря в рамках программ Академии наук, чему противился И. И. Срезневский (Иван Носович 1997. № 4: 236–240). «Еще в сентябре 1858 г. я донес II отделению Академии наук, – вспоминал И. И. Носович, – о диалектах белорусского наречия. Из академических Известий... я увидел ясно, что один только председатель II отделения Ив. Ив. Давыдов благодетельствует моему труду по составлению словаря белорусского наречия. Прочие же академики, во главе которых Срезневский, решительно склонились» против его кандидатуры (Иван Носович 1997. № 4: 246). В конце концов это затянувшееся академическое противление привело к тому, что Носовичу пришлось просить защиты у президента Академии наук Д. Н. Блудова, разрешившего его в пользу просителя. Правда, II отделение и И. И. Срезневский после этой истории, давая различные «благодетельные советы», сделали так, что «под наблюдением или рецензией Срезневского» И. И. Носович «терпел много неприятностей» (Иван Носович 1997. № 4: 248–250).

Необходимо помнить, что наибольшая исследовательская активность И. И. Носовича пришлась на

1850–1860-е годы – период судьбоносных событий в жизни Российской империи, в том числе подготовки и осуществления польского восстания начала 1860-х годов. Все это самым непосредственным образом коснулось как самого Ивана Ивановича, всех членов его семьи и могилевского окружения, а также столичных академических деятелей, часто стоявших на своих особых, порой действительно классовых, позициях. Так, например, И. И. Срезневский, привлеченный в качестве цензора, следующим образом отозвался о «белорусском сатирическом стихотворении “Паномания”», поступившем в Петербургский цензурный комитет: «...писано с целию показать с дурной стороны польских бар, особенно в отношении к шляхтичам и мужикам, и униженное, жалкое положение этих последних... 14 февраля 1858 г.» (РГИА. Ф. 777. Оп. 2. Ед. хр. 142: 5–6; Кісялеў 1977: 20)². Примечательно, что это написано в очень острый момент подготовки польского восстания и внутриимперских дискуссий по крестьянскому вопросу прямым потомком сельского попавича Ивана Евсеевича Срезневского, одного из будущих деятелей становления гуманитарной науки в Харьковском университете. Очень резкая оценка деятельности членов II отделения Академии наук в отношении народоведческих работ и положения по польскому вопросу звучала в Российской империи из славянофильского лагеря. Так, С. П. Микуцкий, привлеченный академическими учеными к совместной работе, перед тем даже покровительствуемый И. И. Срезневским, писал, обращаясь к И. С. Аксакову в конце зимы 1863 г.: «Во имя истины и науки умоляю Вас поднять вопрос об Академии наук, этом доме инвалидов для бездарных немцев. В самом деле, что за люди составляют сей сонм избранных светильников Российского государства, что они делают и на что растрачивают значительные суммы? Издание памятников народной русской словесности для них дело постороннее?» (Письмо С. П. Микуцкого 2017: 268).

Внутренняя обстановка в 1850–1860-е годы на Могилевщине, как и во многих других западных частях Российской империи, была беспокойной. Православие и православные подверглись сильнейшим испытаниям, когда польская католическая пропаганда стала столь успешной, что проникла даже в семьи известных местных православных деятелей, не исключая преподавателей семинарии, как это, например, было с близким знакомым И. И. Носовича С. И. Соколовым, сын которого А. С. Соколов оказался одним из самых активных участников польского восстания в Могилевской губ. и решением военного суда был сослан «на каторжные работы в Сибирь» (Лабынцев, Щавинская 2025: 104–114). Более того, и в среде православного чиновниче-

ства стало заметно несоблюдение религиозных обрядов и даже «совращение в католичество», о чем генерал-губернатор М. Н. Муравьев, прекрасно информированный о положении дел, летом 1864 г. сообщал могилевскому архиепископу с тем, чтобы владыка принял соответствующие «духовные меры» противодействия всему этому (Отношение М. Н. Муравьева 1914: 564–565). Тогда же, наряду со сбором и публикацией произведений белорусской народной словесности, И. И. Носович пишет свои многочисленные записки о белорусском языке, по сей день так и не изданные. Одну из них Иван Иванович подготовил в 1863 г.³, в период разгрома польского восстания, и подал в Могилевский статистический комитет, членом которого состоял.

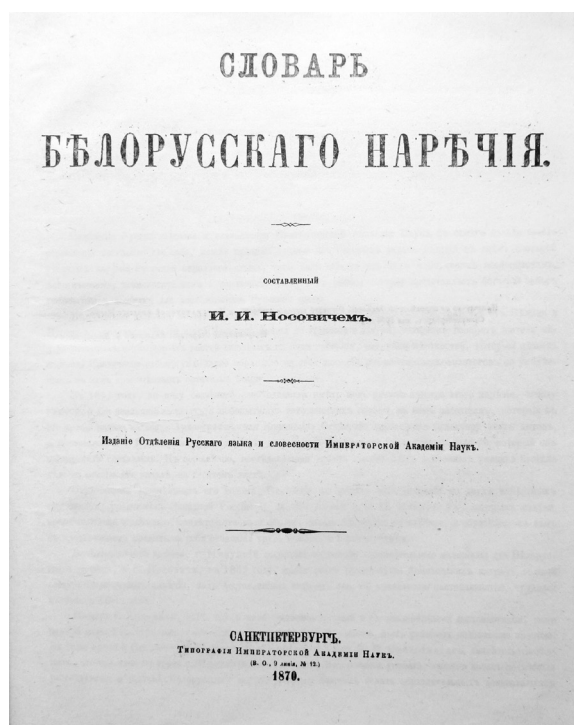
Не оставлявший до глубокой старости своих поэтических занятий, сочиняя для себя, И. И. Носович публикует в 1860-е годы цикл своих переводов Псалтири (Носович 1865, 1866, 1869а), о чем в мемуарах отзывается так: «Я принялся за новый труд, начатый мною еще в 1858 г., – переложение Псалтири в русскую стихотворную речь, которое с того времени мало-помалу подвигалось вперед... в 1859 г. я представил первую кафисму его высокопреосвященству, рижскому архиепископу Платону, прося его дать ход этому моему труду... и в 1870 г. издана вся Псалтирь под цензурою о. архимандрита Фотия» (Иван Носович 1997. № 4: 247). «Главной целью моего переложения всех псалмов давидовой Псалтири, – писал И. И. Носович, – была единственно та, чтобы некоторые места, не для всех доступные к разумению, изложить сколько возможно яснее. Поэзия порфиринозного пророка Давида так величественна, что в моих русских стихах, не подражая знаменитым русским поэтам, очень изящно переложившим некоторые давидовы псалмы, я пунктуально держался славянского подлинника. Моим девизом в этом предмете была полнота, близость к подлиннику, краткость и ясность» (Иван Носович 1997. № 4: 251).

Особая склонность И. И. Носовича к литературно-художественному творчеству прямым образом влияла на все его филологические и этнографические исследования. Начав с составления сборников белорусских пословиц и поговорок, он дополнил их загадками и, наконец, самым серьезным образом обратился к собиранию и изучению белорусских песен, что неразрывно связывалось у него с главной задачей составления белорусского словаря и представления своей концепции принципов построения «белорусского наречия». Иван Иванович писал: «Если и малый труд, подъемлемый в пользу знания человеческого не лишается цены своей; то и я, представляя здесь малый опыт наблюдения о Белорусском наречии, осмеливаюсь труды

мои посвятить любознанию и сочту довольною для себя наградою, если эта капля признана будет не излишнею в урне Славянского языкознания... не имея никаких пособий со стороны, я руководствовался в этом предмете единственно собственными только наблюдениями» (БРАН. ОР. 1.1.1: 5 об.).

Первое отдельное, в виде особой небольшой книги, издание белорусоведческого труда И. И. Носовича появилось в 1852 г., чему поспособствовал И. И. Срезневский (Белорусские пословицы и поговорки 1852). Это был оттиск объемной статьи «Белорусские пословицы и поговорки. Сборник И. И. Носовича» из серийного издания Академии наук (Памятники и образцы народного языка 1852: 33–80), оформленной как брошюра с титульным листом. В дальнейшем Иван Иванович активно работал над продолжением этой тематики и получил ряд наград за свою деятельность (Сборник белорусских пословиц 1866). В опубликованном за несколько лет до своей кончины «Сборнике белорусских пословиц» он писал: «Обращая внимательный взгляд на Белорусские народные пословицы, можно положительно сказать, что они составляют для простого народа нравственно-практическую философию... Старики пословицами внушают молодежи страх Господень, надежду на Бога и правила честности и добродетели...» (Сборник белорусских пословиц 1874: III).

Готовившийся И. И. Носовичем около двадцати лет словарь белорусского языка был издан в 1870 г. (Носович 1870а), но выход этой книги в свет стал для ее автора настоящим испытанием. «Отделение Русского языка и словесности Императорской Академии наук» изъяло из словаря обширное авторское языковедческое предисловие и заменило его своим очень кратким никак не озаглавленным анонимным вступительным словом. Это стало для Ивана Ивановича настоящим ударом: «Рассматривая свой отпечатанный белорусский словарь я, к великому прискорбию моему, увидел, что мое предуведомление к нему оставлено совершенно, тогда как оно составляет ключ к Белорусскому словарю... этот труд мой, стоивший мне многих бессонных ночей... не обратил на себя внимание петербургских ученых филологов и брошен, как безнужный» (Иван Носович 1997. № 4: 252). Особенно неприятна была И. И. Носовичу роль, какую он отводил во всей этой истории И. И. Срезневскому, которого в «январе 1863 г.» в специальном письме просил «быть покровителем моих трудов по белорусскому наречию» (Иван Носович 1997. № 4: 246). Рукописная поэтическая юмореска Ивана Ивановича, сочиненная им сразу же «по выходе из печати» в 1870 г. его словаря, как нельзя лучше освещает суть события, когда «Член Академии»

Титульный лист «Словаря белорусского наречия» И. И. Носовича (СПб., 1870)

И. И. Срезневский авторское «предуведомление» «сорвал к какой-то цели и спрятал у своей портфели» (Носович 1870б). Общее разочарование отношением к нему и его работе И. И. Носович тогда же выразил в письме к академику А. Ф. Бычкову (СПбФ АРАН. Ф. 764. Оп. 2. Ед. хр. 528: 5–6), который до того «очаровал» Ивана Ивановича «своею неутомимою деятельностью, при всех его многотрудных занятиях, своим высоким добродушием, внимательностью... и снисхождением ко мне» (Иван Носович 1997. № 4: 250).

Прямой восприимчивик начатых еще знаменитым белорусским священнослужителем и ученым И. И. Григоровичем работ, пользующийся советами и рекомендациями профессора М. О. Кояловича (Иван Носович 1997. № 4: 237, 247), И. И. Носович после выхода в свет своего словаря оказался на линии острого внутривластного и одновременно научно-корпоративного огня, связанного с деятельностью Академии наук. Так, известный русский исследователь П. А. Бессонов, не знавший лично И. И. Носовича, но вставший на его защиту, отзывался о происходившем в Отделении русского языка и словесности следующим образом: «Общее, довольно известное по опытам, нерасположение Отделения ко всему народному, с языка до песнетворчества, отчасти вероятно вследствие накопления материалов, от коих нельзя отказаться

и с которыми еще труднее справиться за недосугом должностей Петербургских, отчасти в противодействие тем лицам, кои сим усердно занимаются и успевают при недостатке всяких внешних средств, без жалованья, поощрения и премий, – это общее должно бы, кажется, в настоящем случае уступить местным интересам Края и той важности, которую имеют вопросы его для всей России» (Бессонов 1871: XLVIII). Он был весьма удивлен тому, что словарь Ивана Ивановича печатался «в течение семи лет» и при этом его редакторская обработка со стороны Академии наук была весьма поверхностной, если не сказать дилетантской (Бессонов 1871: LVI). Особо язвительна оценка П. А. Бессонова в отношении кратенького неозаглавленного редакционного вступительного слова, выполняющего роль введения к словарю: «Легкость отношения к предмету, весьма естественная при общем нерасположении к успехам народной словесности, бросается особенно в глаза на первых двух страницах предисловия» (Бессонов 1871: LVI–LVII). Подобное положение изменится лишь тогда, когда «Труды, подобные сему Словарю, издадутся... без наблюдателей и редакторов, самими составителями, и приобретут ту глубокую признательность, какую сам по себе заслужил ныне по всем правилам почтенный г. Носович» (Бессонов 1871: LVII–LVIII).

Общие критические замечания, зазвучавшие в середине 1850-х годов в отношении образованного в 1841 г. II Отделения Академии наук, были не всегда справедливы. Затрагивали они и обстоятельства реализации таких сложных в концептуальном плане академических проектов, как «Общий словарь Русского языка» и «Областные словари. 1. Великорусский. 2. Белорусский. 3. Малорусский» (Известия императорской Академии наук 1853: 268–270). При этом И. И. Носович с начала 1850-х годов фигурирует в отчетах II Отделения как активнейший исполнитель-энтузиаст, считающий «с своей стороны основательнейшим разделить составление Белорусского словаря на два отдела: на сборник слов живого языка и на собрание слов древнего Белорусского мира, извлеченных из старинных актов Западной России», изъявляющий желание «заняться составлением словаря живого наречия, независимо от старинных слов, так как жизнь среди Белоруссии дает ему возможность постоянно следить за живым говором всех классов Белорусского народа и замечания свои поправлять во всякое время» (Известия императорской Академии наук 1853: 269). Академия наук всегда высоко оценивала выпущенный ею в 1870 г. «Словарь белорусского наречия» И. И. Носовича, считала одним из самых важных своих изданий. На торжественном заседании по случаю пятидесяти-

летия Отделения русского языка и словесности в 1891 г. вице-президент Академии наук Я. К. Грот специально упомянул среди других важнейших работ этот труд, называя его «Белорусский словарь Носовича» (Труды Я. К. Грота 1901: 468, 475). Тем не менее уже в процессе подготовки «Словаря» к печати отношения между автором и прежде всего И. И. Срезневским становятся напряженными, а возможно обоснованное с точки зрения членов Академии наук исключение языковедческого предисловия И. И. Носовича к его издаваемому труду, но изъятное совершенно произвольно, без всяких объяснений, сильнейшим образом подействовало на восьмидесятилетнего человека, который прервал какие-либо отношения с некоторыми еще недавно близкими ему петербургскими учеными. Но более чем двадцатилетнее желание написать аналитическое исследование о белорусском языке и постоянные отказы в публикации итогов этого, вплоть до изъятия без уведомления авторского предисловия к «Словарю белорусского наречия», заставили Ивана Ивановича и после 1870 г. продолжать начатые языковедческие изыскания по определенному плану, который он даже сообщил в 1875 г. академику Я. К. Гроту (СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 3. Ед. хр. 688. Л. 4–5), высоко ценившему его научную деятельность.

«Словарь» И. И. Носовича по сей день мог бы быть одним из самых важных источников при описании белорусской религиозной жизни, прежде всего в православной среде, но пока этот подход используется скорее как исключение (Караткевич 2020: 199–208). А между тем в «Словаре» приводятся не только краткие толкования отдельных слов, обозначающих то или иное религиозное явление, но и даются многочисленные довольно подробные их описания, например: «Радоница... День, посвященный поминанию усопших, обыкновенно в Белоруссии совершаемому во вторник Фоминой недели над могилами на кладбищах. Радость о воскрешении Христовом в этот нарочитый день передается живыми усопшим своим родственникам с словами: “Христос воскрес”, которые обыкновенно произносятся три раза при катании красного яйца на могиле. На радоницу увидимся на могилках. День этот имеет три характера: до обеда рабочий, после обеда печальный, к вечеру веселый, по выражению самих Белорусцев: На радоницу д’ обеда пашуць, п’ обедзе плачуць, а вечером скачуць» (С. 544). А вот как в своем словаре И. И. Носович дает определение «Троице», используя для пояснения многочисленные белорусские пословицы, поговорки и простонародные словоупотребления: «Троица пресвятая, Бог в трех лицах... Праздник Пресвятые Троицы, обыкновенно везде в Белоруссии празднуемый во

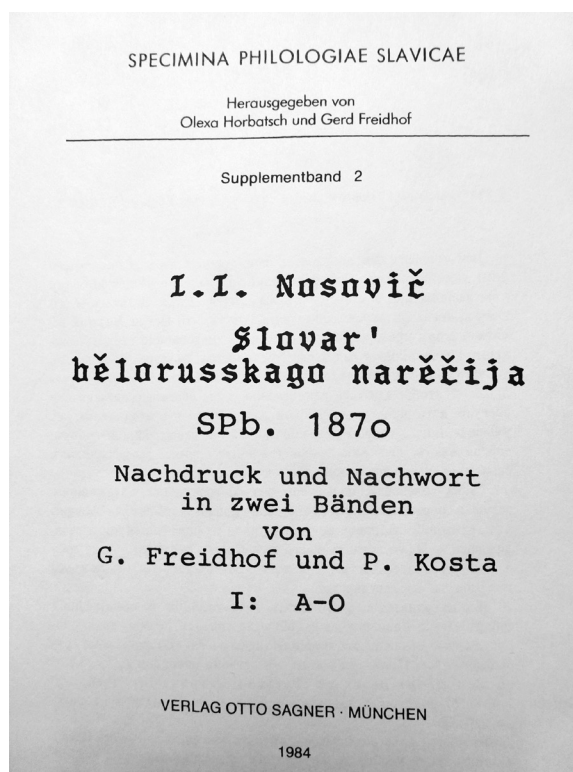
второй день Сошествия Св. Духа. На Троицу снег шов... Церковь во имя Св. Троицы. В Троице звоничь к обедне... Бог Троицу любичь... Троицу прославим и чарку поставим» (С. 640).

Столь явные религиозные акценты в «Словаре» И. И. Носовича были едва ли не основной причиной того, что переиздание этого основополагающего белорусского языкового пособия состоялось лишь более чем через столетие в 1983 г. благодаря усилиям многих лиц и прежде всего М. Р. Судника (*Насовіч* 1983). Важным было и его немецкое двухтомное переиздание в 1984–1986 гг., в подготовке которого также помог М. Р. Судник (*Nosovič* 1984–1986).

В наши дни интерес к «Словарю» подкрепляется появлением десятков новых статей, использующих его материалы, но, безусловно, главным показателем актуальности всего, связанного в этом объемным лексикографическим источником и его создателем, является амбициозный электронный исследовательский проект «Іван Насовіч. Слоўнік беларускай мовы», предпринятый несколько лет назад группой белорусских гуманитариев, поставивших своей целью издание «поўнага Збору твораў Івана Насовіча»⁴, до реализации которого, к сожалению, еще очень и очень далеко.

Последними крупными изданными трудами И. И. Носовича были «Сборник белорусских пословиц» (Сборник белорусских пословиц 1874), который он дополнял в течение всей своей жизни, и «Белорусские песни» (Белорусские песни 1873), где была напечатана его объемная вступительная статья, содержащая подробные сведения об обстоятельствах исполнения «простонародных белорусских песен». В ней мы находим множество описаний различных народных обрядов, связанных с православным календарем.

«Простолюдины, – писал И. И. Носович, – кроме Бога и святых угодников Его олицетворяют даже самые факты из земной жизни Спасителя, Божией Матери и Божиих угодников. Они в простоте сердца говорят: “Благослови разговецьца, святое Рождество, Великодне, Успеннко. Помажи нам, святая Десятуха” ... дают святым свои эпитеты по их мученической смерти или действиям, как то: “Иван – Головорез, Иван – Купала, Сава – бацька Николин, Сороки святые, Неделя Св. Отцов – Дзяды” ... Но это невинное уклонение от принятых Православною Церковью терминов нигде не доходит у Белорусских простолюдинов до признаков остатка древнего Славянского язычества... даже обрядовые обыкновения, при праздновании урочных дней, насколько не напоминают ничего кумирного: самые даже песни их, несмотря на свою наивность, дышат обращением к Богу, испрошением благословения на начинания и упованием на милость Его» (Белорус-

Титульный лист первой части немецкого факсимильного переиздания «Словаря белорусского наречия» 1870 г. И. И. Носовича (München, 1984)

ские песни 1873: 51–52).

Подобное толкование И. И. Носовича, особенно касательно «признаков остатка древнего Славянского язычества», вызвало множество в чем-то справедливых критических замечаний, начиная от О. Ф. Миллера (Белорусские песни 1873: 52), редактировавшего том «Записок», где были напечатаны «Белорусские песни», и А. Н. Пыпина (*Пытин* 1892: 153) до большого числа наших современников (*Бандарчык* 1999: 88), не видевших и не знавших тех реалий времени, белорусских жизненных условий, давших Ивану Ивановичу право на такой взгляд. В своих рукописных «Воспоминаниях» начала 1870-х годов он как раз пытался все это объяснить и даже выступить своеобразным защитником простонародного православного мировоззрения, что решительным образом многими, и порой весьма резко, осуждается до сих пор. Даже написавший вступление к публикации части «Воспоминаний моей жизни» И. И. Носовича известный белорусский поэт и крупный советский и постсоветский литературный администратор Н. С. Гилевич увидел в Иване Ивановиче одного из проводников «внедрения православия как способа поголовной русификации белорусов и укрепления царской власти», «начисто лишенного начал белорусского национального са-

мосознания» (Гилевич 1997: 180–182). Кстати, резко критикуя М. Р. Судника за его мнение о И. И. Носовиче как «подлинном патриоте своей земли и народа», посвятившем «свою жизнь родному народу», Н. С. Гилевич дает ему такую, как ему тогда, видимо, казалось, убийственную характеристику: «глубоко религиозный человек, ревностный до одержимости защитник православия и такой же глубоко убежденный, рьяный верноподданный российского государя и отечества» (Гилевич 1997: 175).

По словам В. И. Носовича, его отец и в последние годы своей жизни «не переставал заниматься литературными трудами», но летом 1877 г. проявилось «ослабление организма» и «25-го июля» 1877 г. Иван Иванович «скончался на 89 году своей жизни». Похоронили его «на кладбище Пустынского монастыря», в чем «участвовало все Мстиславльское духовенство... во главе» (Шейн 1900: 11) с замечательным православным деятелем, настоятелем Пустынского Успенского монастыря архимандритом Анатолием (Левшановским).

«Опыт краткого филологического наблюдения о Белорусском наречии. Предупреждение.

Белорусское наречие, из семейства славянского языка, в большей, кажется, мере изобилует остатками Славянизма, нежели другие Славянские отрасли. Нет сомнения, что в нем есть оригинальности, странные для Русского слуха; но они не так резки, как в Малороссийском наречии и даже в Польском языке... язык Белоруссии, сопредельной Литвы и Малороссии, хотя и принял несколько чуждых элементов, но сохранил характер свой и явил признаки особенного своего родства с ближайше соплеменным Русским. Существование однако же Белоруссии под игом Польши чрез несколько столетий, под титулом Королевской России, великое имело влияние на форму произношения, на измену, или, если угодно, на изуродование коренных Русских слов и на водворение чуждых элементов и даже звуков, несвойственных природной ее отчизне: тем более, что самый Польский язык... в покоренной Белорусии, сам подвержен был господствованию макаронизма. С страданием побежденного народа всегда страдает и самый язык его. Поэтому и неудивительно, что Белорусское наречие, хотя и удержало во многих отношениях самобытность свою, но много отклонилось от родного лона.

Всякий Русский от образованного человека до простого находит Белорусское наречие смешным. Многие смотрят на него с презрением, а некоторые как на некое исчадие или как на урода; тогда как другие отрасли Славянского языка не столько постигнуты презрением и даже пользуются неко-

торую гражданственностью, как некогда пользовалось и Белорусское наречие (В древности судебные акты производились в Польше на Белорусском, хотя и испорченном наречии.) Многие Белорусское наречие, как бы какую страшную карикатуру, покрывают язвительными насмешками всяких родов, не обращая внимания на то, что оно есть необходимая потребность многочисленного низшего класса людей столь обширной страны, ни даже на то, что каждая область России имеет резкие свои особенности в языке, и несмотря на то говор каждой из них не исключается из родства Русского слова.

Но такова уже участь Белоруссии! Не одно наречие ее служит для многих предметом осмеяния: даже самые жители ее с своим образом жизни и мыслей не избегли различных насмешек, хотя они суть родные братья Русских.

Если указания несовершенств бывают без преувеличения и основаны на истинных фактах; если даже насмешки над кем-либо не превышают меры и не выходят из пределов благоразумной снисходительности, то они не только не оскорбительны и не раздражительны для тех, на которых они устремлены; но и назидательны для многих, подверженных ошибкам. Но есть такие из гонителей всего Белорусского, такие братоненавистники, которые вместо того, чтобы войти в рассмотрение обычаев, нравственности и самого быта Белорусцев; вместо того, чтобы потрудиться над исследованием различия между Русским и Белорусским словом, выводят на сцену Русского мира как самых Белорусцев с их обычаями, так и наречие их в самом гадком и отвратительном виде. Есть люди, которые таковые клеветы свои не стыдятся предавать мнению и дерзают осквернять ими литературное поле; и таким образом на счет жителей Белоруссии и их наречия вводят в заблуждение весь читающий мир.

Так в журнале “Москвитянин” 1843 года, в книжке за август помещена статья Г. Петра Кушина под названием “Гецики”, статья, исполненная грубых насмешек, вышедших из границы всякой правды и даже приличия. Таковые несовестные о Белорусии отзывы Г. Кушина тем удивительнее, что он сам Белорусский уроженец и воспитанник Могилевской Духовной Семинарии. Он забыл Белорусскую пословицу: Дурная птушка свое гнездо мараецъ.

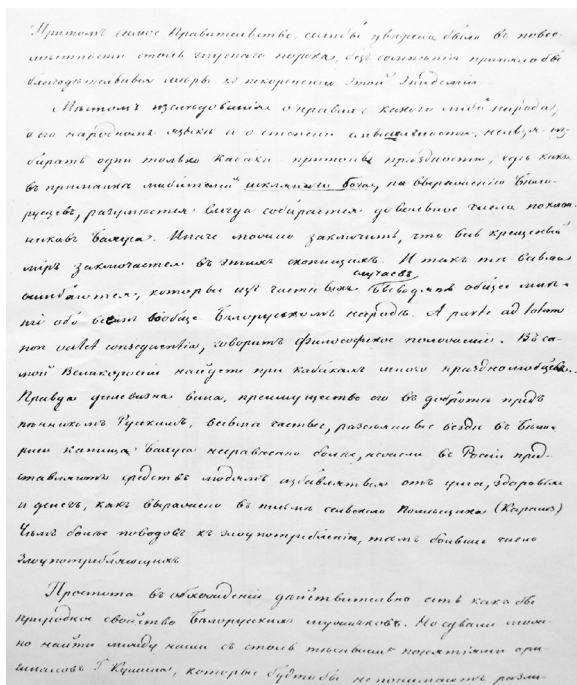
Для рассеяния обаяния при чтении подобных статей и проверки расхода с действительностью, неизменным будет здесь бросить взгляд на преувеличение фактов, якобы уловленных П. Кушиным в описываемом им обществе. Это маленькое отступление необходимо потому, что может дать о Белорусцах и их наречии лучшее понятие, нежели статья “Гецики”. Все вообще представители Белорусцев,

выведенные в этой статье на сцену, говорят столь уродливым и бессмысленным языком, что едва ли кому кроме Г. Кушина удалось его слышать в каком бы то ни было слое народа.

Автор “Гецики” не одному несчастному Белорусскому наречию дал форму, действительно достойную осмеяния и презрения: даже быт Белорусцев, нравственность их и образ мыслей представил он в уродливых типах трех сословий: дворянского, причетнического и крестьянского. Представителем первого избран помещик Казимир Бернардович, второго дьячок Семен и последнего крестьянин Янка или Яков. Всех же Белорусцев Г. Кушин окрестил почти неслышанным именем “Гецики” (Мимоходом можно сказать, что это страшно неприятное уму название Г. Кушин без сомнения подслушал у Русских извозчиков, которые при встрече с Белорусцами, услышав от них слово “едзь” вместо поезжай, дразнят их, только не Гециками, как пишет Г. Кушин, производя это слово от “гето”, но ездиками. Пусть простят меня читатели за это выражение! Я и сам, природный Белорусец, в проезд мой чрез Смоленскую губернию в дни юности моей, встречаясь с Русскими извозчиками, нечего греха таить, за несвойственное употребление повелительного наклонения глагола: еду, оглушен был посыпавшимися от них повторениями упомянутого слова и признаться не сердился, а краснел и стыдился злоупотребления и какофонии приказа моего кучеру. Опыт вернее всякого теоретического доказательства.)

Не опровергая мнения Г. Кушина о худом по хозяйственной части распоряжении Белорусского помещика, вставленного за образец или за представителя Белорусского пана, можно согласиться, что на Белоруси много есть Казимиров Бернардовичей. Да и какая ж страна столь счастливая, что не имеет подобных? Выведенный на сцену Г. Кушиным дьячок Семен до такой степени глуп и неуч, что, вместо Псалтырь, говорит “Салтырь” <...>.

Нельзя оспаривать, что Белорусское наречие своею нечистотою и худозвучием отличается от чистого, звучного и гладкого Русского слова так же, как и самый Белорусец отличается вялостью и неопрятностью от братьев своих Великороссиян. Но не одни величавые реки и хрустальные источники изливаются в величественное море: весьма часты и мутный ручей посредственно или непосредственно туда же катит нечистые струи свои. И море без ропота, без укора принимает их в свое лоно. Какую же пользу могут принести Русскому слову те, которые и так уже иловатую и шипистую струю Белорусского говора еще более нарочито мутят, коверкая и выворачивая слова прямо Белорусские, уже в природном Русицизме или Славянизме, исковерканные чрез

Страница авторизованной рукописи И. И. Носовича, содержащей его записки о белорусском наречии (Отдел рукописей Библиотеки РАН в Санкт-Петербурге. Шифр 1.1.1)

влияние Польши и Литвы. Насмехаться над уродом есть не благоразумие, но уродовать урода есть нечеловеческое жестокосердие.

Таковые клеветы не свет, а густой мрак набрасывают на описываемый предмет, и нисколько не могут быть подарком для Г. Шафарика и других любителей Славянских наречий, как объясняется Издатель Москвитянина в той же книжке по случаю статьи “Гецики”.

Но чтобы представить Русскому миру вернейшие сведения о всех резких уклонениях Белорусского наречия от родного своего лона, нужны не поверхностные взгляды на нестройность звуков его, но точные указания различия, как в звуках, типе и в самом составе слов. Исполнение этого предприятия требует и долговременных наблюдений, и глубокого внимания, и личных трудов».

(Библиотека РАН. Отдел рукописей.
Ед. хр. 1.1.1. Л. 1–5)

1. О Белорусском наречии вообще и об отношении его к Русскому языку

Белорусское вообще наречие, как природная отрасль славянского корня, сохранило в себе все элементы славянизма и, несмотря на странность произношения, имеет близкое сродство с Русским языком. Одинаковое с Русским ударение, редко где изменяемое, не привязано к предпоследнему слогу,

как в Польском языке. Орфографические правила в Белорусском наречии те же, как и в Русском языке, кроме случаев, которых требует свойство Белоруссизма. В нем сохраняются этимологические общие с Русским изменения слов в склонении и спряжении, одинаковое и почти однообразное производство падежей, чисел, лиц, времен и проч., а также и синтаксические обороты. В состав Белорусского наречия входят коренные Русские слова, или целостью своею, только иногда с изменою некоторых букв и редко ударения, или с изменою формы окончания, как то: видзенне, спасенне, или с иным значением, как то: веселле – свадьба, старец – нищий. А посему говор вообще Белорусца очень близок к Русскому, так что всякий Русский без затруднения гораздо лучше понимает разговаривающего с ним простолюдина этой страны нежели Малоросса или Поляка.

С Польским напротив языком, несмотря на нескольковековое соединение Белоруси политическими с Польшею узами, Белорусское наречие не могло сродниться и во всех отношениях удержало самобытность свою, хотя и не могли избежать польского влияния. И если есть между ними что-либо общее, то это есть употребление особенно в говоре Могилевских Белорусцев дз вместо Русского д и ц вместо т, когда они предшествуют тонким гласным. Впрочем, изменения этих гласных есть природно белорусское и имеет на то свои правила смягчаемости этих согласных, как увидим ниже. Обширное употребление такового изменения д в дз и т в ц дает белорусскому простонародному наречию странную в глазах Русского физиогномию полонизма. В Польском, впрочем, наречии употребление dz вместо д и с вместо т не нарушает гармонию языка; но в Белорусском наречии таковое, хотя и природное употребление, для Русского слуха кажется неприятным и выражающим как бы насмешливое коверканье Русского слова на Польский лад. Если принять в соображение, что письменность древнего Белорусского наречия, как видно из напечатанных исторических Актов Западной России, в свое время не допускала орфографического употребления дз вместо д и ц вместо т; то можно принять за неопровержимое, что таковое употребление было уделом только простого народа, а может быть, даже и одного из Белорусских племен, как это и ныне более всех развито между простонародья Могилевской губернии. И в Великороссийских областях в говоре простолюдинов много есть странных особенностей. В Польском, даже цивилизованном, языке принято сочетание в один слог и даже полуслог до трех, четырех и более согласных букв трудных к совместному выговору... Несмотря однако на то, одно Белорусское наречие за употребление вышеозначенных букв дз и ц подвергнуто даже литературным нападкам

и осмеянию, как можно читать в статье “Гецики” Г. Петра Кушина, наполненной разными грубыми выводами, вышедшими из границ правды и приличия на счет как наречия Могилевской губернии, так и представителей его. Но надобно сознать, что Белорусское наречие, порицаемое в неуклюжести и карикатурности Русского слова, есть необходимая потребность низшего класса людей столь обширного края и что, следовательно, оно подлежит не бесполезному осмеянию, а лучше филологическому рассмотрению всех изгибов Белорусского слова и исследования причин уклонения его от цивилизованных славянских братий своих.

II. О древнем Белорусском наречии, сохраняемом в письменных актах

В древности, без сомнения, Белорусское наречие разделялось на гражданственное и простонародное. На гражданственном совершались акты дарственные, ссудовые, мировые, договорные и прочие частные и общественные сделки. На нем производилась частная и официальная переписка; происходили политические переговоры между Польшею, Россиею, сопредельными княжествами и государственными лицами; писались королевские грамоты, уставы и положения. На нем совершались устные и письменные религиозные споры в защиту православия во время введения Унии и приносимы были жалобы православных на притеснения со стороны католицизма. На нем Православные Белорусские пастыри посылали благословенные свои грамоты и увещания как Духовенству, так и гражданственным и частным лицам (Смотри Акты, относящиеся к истории Западной России, изданные окончательно в 1853 году в V-ти томах). Это письменное наречие, как гражданственное, было в древности в общем разговорном употреблении в обществах высшего класса Белорусцев, не исключая даже и Поляков, как видно из многих письменных Актов, в которых приводятся устные речи, примерно: «Ты тую Духовницу, яко хотел, так и писал» (1553 г., февр. 28). И древние Белорусцы до того любили это родное свое наречие, что, когда Король Польский Стефан Баторий начал было посылать к ним свои указы вместо Белорусского наречия на Польском языке, то они, не вытерпев равнодушно такового нововведения, подали ему жалобу, прося повелеть своей канцелярии писать к ним королевские указы “Русским” письмом (Том III № 64).

Этот высшего класса говор отличался от простонародного Руссизмом, удерживал в произношении своем орфографическую письменную точность, даже и назывался Русским, так как и сама Белорусь под игом Польши носила имя Королевской России. Древнее это Белорусское наречие,

сохранившееся до нас только в архивных памятниках старины, время от времени, отставая от старины, улучшалось и приближалось к Русскому говору, особенно по возвращении всей Белорусской области к России, так что ныне в благородных Белорусских обществах, особенно по городам, не слышно анахронизма в разговоре, разве очень редко где, и то более для юмора, вворачивается белорусское простонародное словцо. Даже городские жители-мещане свыкаются с лучшим произношением. Но простой народ, которому цивилизация недоступна, всегда и везде был и есть верен своему диалекту наречия. В нем привязанность к говору прародителей своих, переливающемуся из века в век, из поколения в поколение, не охлаждает и едва ли охладеть может. Эту привязанность поддерживает самое сельское духовенство, которое, приноровляясь к прихожанам своим, по необходимости при разговоре с ними употребляет белорусское простонародное наречие. Даже помещики и управляющие, особенно в Витебской, Минской и Могилевской губерниях, по требованиям экономической части, как прежде в старину любили говорить, так и ныне говорят с своими хлебопашцами их говором. Околичные шляхты тем более не отстают от простонародного говора, с тем часто различием, что имеют страсть Польские слова привносить в говор Белорусский или природное Белорусское слово облекать в форму Польского.

Есть, впрочем, и ныне из Белорусцев простолюдины, которые и до нынешних времен сохраняют в говоре своем диалект древнего, подобного письменному, буквального произношения. Этот особенный диалект Белорусского наречия принадлежит, как бы оазис, жителям, занимающим южные края Минской и Гродненской губерний. Но говор этот по мере приближения к Малороссийским губерниям сливается с Малороссийским произношением, как можно видеть в Брест-Литовском, Пинском и Гомельском уездах. Под именем же Русского говора он проникает далее в пределы Польши до Седлецкого уезда, а может быть и далее, только "о" во многих местах произносится как двугласная "уо". Начнете по Русски разговор с деревенскими жителями Тереспольского или Бельского уездов, и вы услышите от них русские тамошние ответы...

Этот южной Белоруси говор есть живой тип старинного, сходного с письменным Белорусского наречия. Он по внешности только, т. е. по произношению особенно гласных букв, как диалект, резко отличается от Белорусского наречия, составляющего предмет настоящего обозрения, но в сущности ни в чем не изменяет общего этимологического характера Белорусицизма. Даже орфографические изменения согласных букв в нем те

же, кроме д и т изменяемые в последнем в дз и ц, как увидим ниже. Само собою как первые, так и последние Белорусцы... сохранили в говоре своем неисправимую старину.

А посему отдельный этот диалект, преобладаемый Руссицизмом, не требует никаких таких замечаний, которые составляют предмет характеристики простонародного Белорусского наречия, господствующего между Белорусцами обширной северной страны.

III. О простонародном говоре всех северной Белоруси

И так никакого особенного диалекта южных Белорусцев, удержавших в говоре своем Славяно-Русское произношение, согласное с орфографическою точностью на письме, главным предметом составляет то коренное наречие, которое господствует между коренным народом, живущим на пространствах, облегающих берег верхнего Днепра с Сожью, Западной Двины до Припяти и Вилии с верховьями Немена. Несмотря на видимое однообразие общего говора столь обширной страны, вслушиваясь в речь простонародия каждой отдельной местности или губернии, легко можно заметить отличие между простонародным говором Могилевской губернии, Витебской, Минской и в особенности Виленской и Гродненской, так что наблюдательное внимание филолога невольно становится на том, какому из них племени преимущественно принадлежит более свойство Белорусского наречия или какой именно губернии коренные жители избегли постороннего влияния, могут почтятся представителями чистого белорусицизма. На это разъединение в говоре время от времени могли действовать три по-видимому главные причины: письменность, политические перевороты и религиозные отношения.

Нет сомнения, что в самой глубокой древности все патриархальные племена, получившие в удел своего населения все пространство нынешней Белоруси, говорили одним родным своим Славянским языком. Но каждое племя не могло не иметь своих особенностей, своего племенного выговора, своих отливов в говоре, своих родовых привычек в произношении. Различные притом взгляды на предметы, на явления природы и на обстоятельства самой жизни могли породить в каждом племени время от времени новые дополнения идей, новые выражения и даже изменения самых коренных слов. И следовательно, верхнеднепровские Кривичи, двинские Полочане, припятские Дреговичи, вилейские с немскими Литовцы хотя и говорили одним и тем же наречием, но отличались друг от друга разными племенными оттенками в говоре. И эти оттенки были более областные идиомы, или особенности.

Но политические перевороты, сделавшие Белорусь нескольковековой пленницей Польши, могли иметь сильное влияние на изменение характера Белорусского наречия под деспотизмом Польского языка, зараженного притом наплывом Латинского макаронизма. С страданием поработленного народа страдает всегда и язык его. И чем ближе поработленные соприкасаются к границам поработителей, тем ощутительнее влияние на говор их. И так неудивительно, что в говоре гродненских и виленских Белорусцев вкрался элемент Польского языка более всех.

С другой стороны, религиозные нападения польского католицизма на православную Белорусь и насильное политическою властью введение в нее Унии могли иметь такое же влияние на Белорусское наречие, как и политические перевороты. Вытеснив православное духовенство из его приходов, униатские священники, получившие в польских ксендзовских и более иезуитских училищах воспитание и направление в Польском языке, были ревностными нововводителями чуждых Белорусскому наречию и ударений, и произношения, и изворота слов природно белорусским и внешним польским и латинским. Поучения свои они говорили искаленным языком, сшитым, так сказать, из лоскутов Славянского, Белорусского, Польского, Польско-Латинского и даже Русского языков. Одно из таковых представлено мною в II Отделении Императорской Академии наук в приложениях к «Опыту краткого филологического наблюдения о Белорусском наречии» под № 1. И неудивительно, что при строгости политических мер простолюдины-прихожане мало-помалу свыклись с говором своих наставников и что от того Белорусского наречия могло подвергнуться приливу чуждого элемента, особенно там, где распространение Унии приняло сильнейшие размеры. Так, не говоря уже о гродненских и виленских Белорусцах, коренные жители Минской и Витебской губерний, потерпев наводнение Унии, чрез таковое влияние могли во многом изменить свой природный говор. Одна Могилевская губерния по-видимому более других могла остаться при коренном своем наречии. Ибо, с одной стороны, влияние Польского языка на простонародие ее, как отдаленной более других от Польши, не могло быть так ощутительно, как в других близких местах; так, с другой стороны, православие ее гораздо меньше других пострадало от напора Унии.

IV. Исторический взгляд на древнее отношение Могилевской губернии к прочим Белорусским племенам

Г. Ян Чечот при издании в 1846 году в Вильне сельских песен Двинских и Неменских Белорусцев «Piosnki wiaśniacze z nad Niemna i Dźwiny, niektóre

przysłowia i wyczysty», делая в предуведомлении замечания об отличительных свойствах Белорусского наречия, которым как помнит он, staruszkowie любил говорить между собою и которым до настоящих времен господа и эконоы разговаривают с крестьянами (стр. 1), называет таковое Славяно-Кривицким или диалектом Кривицким «mowa Sławiano-Krewicka, dialekt krewicki». Но Г. Чечот здесь под именем Кривицкого наречия разумеет не одно простонародное наречие, господствующее между жителями верхнеднепровскими, но и говор Двинских и Неменских Белорусцев... можно полагать, что Г. Чечот говор всех вообще Белорусцев назвал Кривицким, основываясь на древнем преимуществе Кривицкого племени, как в древние времена многолюднейшего и знаменитейшего между прочими Белорусскими племенами...

Таким образом Г. Чечот, усвоивая всем Белорусско-славянским племенам имя Кривичей, говор их, хотя и имеющий свои по племенам некоторые областные различия, назвал вообще Кривицким, как бы говором единокровным.

<...>

IX. Взгляд на состав слов Белорусского наречия

Кроме вышеозначенных отмен от Русской речи, как показан в... орфографическом и этимологическом изменениях букв и самых форм слов против Русской орфографии и этимологии, Белорусское наречие, при рассмотрении его преимущественно между простонародием Могилевской губернии значительно отклоняется от Русского говора многими словами, характеризующими эту славянскую отрасль.

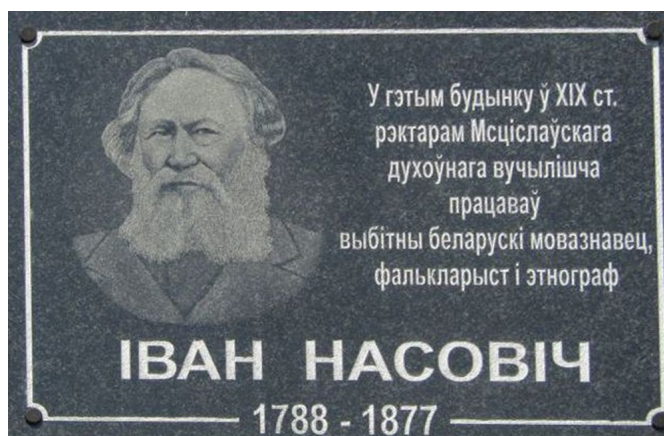
В составе слов Белорусского вообще наречия входят: славянские, коренные Белорусские, Русские, заимствованные от случая, заимствованные от других языков и, наконец, сходствующие со словами Литовского языка или наречия.

1. Весьма многие слова Славянские а) сохранились целостно в Белорусском наречии, как-то: весь – деревня... б) премногие слова удержали корень славянский... в) многие слова находятся в испорченном виде...

2. Много есть слов а) природно-белорусских, которых ниоткуда произвесть нельзя... б) славяно-белорусское племя, по своим понятиям и впечатлением, характеризовало предметы, особенно подлежащие чувства, как-то: 1) зрению... 2) слуху... 3) вкусу... 4) обонянию... 5) осязанию...

3. Многим Русским словам Белорусцы а) дали свой взгляд и иное значение кроме Русского... б) иным дали свою форму, свое окончание и этимологическое изменение...

4. Многие слова заимствованы от случая...

Памятная доска с изображением И. И. Носовича на здании бывшего Мстиславльского духовного училища.
Фото 2024 г.

5. Многие слова водворились в Белорусское наречие от других языков и совершенно обелорусились, как-то а) от Немецкого... б) от Греческого... в) от Латинского... г) сходные в корне с Польским, но удержавшие свое Белорусское выражение и ударе-ние...

б) Наконец, к удивлению, есть много слов, ко-торые, по всей вероятности, суть природно-бело-русские, но в коренном своем составе и в близости значения сходятся со словами Литовского языка...

Литовский народ, живущий очень с древних времен на славянской почве, некогда имевший свое политическое значение и ныне в Виленской и Ковенской губерниях говорящий отличным от соседей своим наречием, есть как бы какой оазис среди славянских племен и служит загадкой для этнографов. Многие, особенно польские, филоло-ги считают Литовский язык отраслью Латинского, основывая свое мнение на том, что многие Литов-ские слова находят они влекущими свой корень от Латинского языка... Судя по многим Литовским словам, сходным с Белорусскими, как видно из выше приведенной вкратце параллели и славяниз-мы, как увидим ниже, можно предположить, что Литовский язык, несмотря на мнение польских филологов, был некогда родной Белорусскому на-речию, происходя от Славянского; но по совер-шенном присоединении Литовского княжества к Польской короне, во время Польского макарониз-ма или наплыва Латинизма в Польский язык, мог позаимствовать многие слова от Латинского, дав им свое окончание и Литовскую форму. В доказа-тельство этого родства Литовского языка с Бело-русским наречием и происхождением его от Сла-вянского языка могут служить: а) вышесказанное сходство Белорусских слов Славянского корня с Литовскими, б) многих других слов Литовских ко-рень есть чисто Славянский... таковых слов можно

найти множество знающему хорошо Литовский и Славянский языки, если бы кто без увлечения к утверждению самостоятельности и самобытно-сти литовского языка, как доказывает Г. Киркор в этнографическом своем взгляде на Виленскую губернию, помещенном в Вестнике Императорско-го Русского Географического общества за 1834 г. книжка IV стр. 244, принял на себя этот важный труд, в) самым важным доказательным признаком славянизма в Литовском языке есть чисто славян-ские окончания Литовских глаголов в неопреде-ленном наклонении на ti...

<...>

XI. О Белорусской простонародной словесности

В Белоруси, как и во всякой области, просто-народие имело и ныне имеет свои басни, рассказы, поверья и особенно богато сентенциями или посло-вицами и поговорками. Но на эти образцы просто-народной словесности никакого не было обращено внимания ни в первобытное нахождение Белоруси под владычеством Великих князей Русских, ни в пребывании ее под обладанием Королей Польских, ни, наконец, после возвращения ее под скипетр Российской державы. И они, переходя из уст в уста, от поколения к поколению, отголосок плебеизма, не имели гражданственной печатной даже и рукопис-ной известности; ибо, если и были рукописные их списки, то они оставались домашним достоянием любителей простонародной изящности.

В новейшее время ученые славянофилы из выс-шего круга понемногу начали обращать внимание на Белорусское наречие, на эту забытую и закосне-лую в своей грубости отрасль славянского языка».

(Lietuvos mosklų akademijos Vrublevskių bib-
lioteka. Rankraščių skyriuje.
F. 22–111. L. 141–144, 158–161)

Примечания

¹ Публикуем с некоторыми сокращениями основную часть этого рукописного текста И. И. Носовича, выдержавшего немалое число его собственноручных редакций, в современной орфографии (БРАН. ОР. 1.1.1: 1–5).

² Полностью опубликовано: *Кісялеў Г. В.* Пачынальнікі. Мінск, 1977.

³ Публикуем с некоторыми сокращениями часть рукописной записки И. И. Носовича о белорусском языке в современной орфографии (LMA VB. F 22–111: 141–144, 158–161).

⁴ Иван Насовіч. Слоўнік беларускай мовы // <https://belarus.github.io/Slouniki-Nasovic/art2.html>

Источники и материалы

БРАН. ОР. 1.1.1 – Библиотека Российской академии наук. Отдел рукописей. Ед. хр. 1.1.1. Л. 1–5.

РГИА. Ф. 777. Оп. 2. Ед. хр. 142 – Российский государственный исторический архив. Ф. 777. Оп. 2. Ед. хр. 142. Л. 5–6.

СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 3. Ед. хр. 688. Л. 4–5 – Санкт-Петербургский Филиал Архива Российской академии наук. Ф. 137. Оп. 3. Ед. хр. 688. Л. 4–5.

СПбФ АРАН. Ф. 764. Оп. 2. Ед. хр. 528 – Санкт-Петербургский Филиал Архива Российской академии наук. Ф. 764. Оп. 2. Ед. хр. 528. Л. 5–6.

LMA VB. F 22–111 – Lietuvos mosklų akademiojos Vrublevskių biblioteka (LMA VB). Rankraščių skyriuje. F 22–111. L. 141–144, 158–161.

Белорусские песни 1873 – Белорусские песни, собранные И. И. Носовичем // Записки Императорского географического общества по Отделению этнографии. СПб., 1873. Т. 5. С. 45–280.

Белорусские пословицы и поговорки 1852 – Белорусские пословицы и поговорки. Сборник И. И. Носовича (Из Прибавлений к Известиям Второго Отделения Академии наук). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1852.

Бессонов 1871 – Бессонов П. Белорусские песни. М.: тип. Бахметева, 1871.

Загадки / Разгадки 1849 – Загадки / Разгадки // Могилевские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1849. № 9. С. 159–161.

Иван Носович 1997 – Иван Носович. Воспоминания моей жизни // Нёман. 1997. № 2. С. 183–243; № 3. С. 179–239; № 4. С. 194–254.

Известия императорской Академии наук 1853 – Известия императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1853. Т. 2. Стб. 268–270.

Кушин 1843 – Кушин П. Гецыки // Москвитянин. 1843. № 8. С. 383–412.

Носович 1848 – Носович И. Об ответном послании Российских Архиепископов к Сорбонским Епископам, писавшим о соединении Российской Православной Церкви с Римскокатолическою // Могилевские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1848. № 17, 18, 20, 21, 23–27.

Носович 1865 – Носович И. Слово Божие усердной читательнице, благочестивой христианке, христолюбивой рабе Божией Александре Алексеевне Селезневой, урожденной Юревич, с глубочайшим уважением усерднейше приносит труд свой переложение начальных 23 псалмов пророка Давида в русские стихи. СПб.: [б. и.], 1865.

Носович 1866 – Носович И. Псаломские песни, переложенные в стихотворную русскую речь н. с. и кавалером Иваном Носовичем. СПб.: тип. Куколь-Яснопольского, 1866.

Носович 1869 – Носович И. Ответное послание Российских Архиепископов к богословам Сорбонской парижской академии, по вопросу о соединении Российской Православной Церкви с Римскокатолическою // Странник. 1869. Декабрь. С. 115–128.

Носович 1869а – Носович И. Псаломские песни, или Сто пятьдесят псалмов псалтыри Давида, пророка и царя, переложенных в русскую стихотворную речь н.с. и кавалером И. Носовичем. СПб.: Печатня В. Головина, 1869.

Носович 1870а – Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб.: ОРЯС Импер. АН, 1870.

Носович 1870б – Носович И. Явка Белорусского словаря по выходе из печати к своему в Мстиславле Автору // Отдельный рукописный лист, вклеенный в экземпляр книги: Носович И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870. – Фундаментальная библиотека Белорусского государственного университета. Отдел редких и ценных книг. Шифр: 4Бел-Н845.

Отношение М. Н. Муравьева 1914 – Отношение М. Н. Муравьева Архиепископу Могилевскому о несоблюдении православными чиновниками православных обрядов (Архив Виленск. Ген. Губернатора 1864 г. № 508) // Русский архив. 1914. № 12. С. 564–565.

Памятники и образцы народного языка 1852 – Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян. СПб., 1852. Тетр. 1. Стб. 33–80.

Пытин 1892 – Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4: Белоруссия и Сибирь. СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1892.

Сборник белорусских пословиц 1866 – Сборник белорусских пословиц, составленный надворным советником Ив. Ив. Носовичем и удостоенный от Императорского Русского Географического Общества малой золотой медали. СПб.: тип. Куколь-Яснопольского, 1866.

Сборник белорусских пословиц 1874 – Сборник белорусских пословиц, составленный И. И. Носовичем. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1874.

Труды Я. К. Грота 1901 – Труды Я. К. Грота. III. Очерки из истории русской литературы (1848–1893). Биографии, характеристика и критико-библиографические заметки. СПб.: типография Министерства путей сообщения, 1901.

Шейн 1900 – Шейн П. И. И. Носович. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1900.

Podbereski 1844 – Podbereski R. Listy o Białejrusi. List III // Tygodnik Petersburski. Gazeta urzędowa Królestwa Polskiego. Sankt-Petersburg, 1844. № 82. S. 489–490.

Научная литература

Гилевич Н. Предтеча возрождения // Нёман. 1997. № 2. С. 180–182.

Лабунцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Кандидат богословия Санкт-Петербургской духовной академии С. И. Соколов и его рукописная «История Могилевской православной епархии» 1852 г. // Церковь и ее история в науке и образовании: Материалы III международной конференции XXXII Международные Рождественские образовательные чтения «Православие и отечественная культура: потери и приобретения минувшего, образ будущего». М.: ГПИБ, 2025. С. 104–114.

Письмо С. П. Микуцкого... Публикация Н. Н. Вихровой // «День» И. С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. Ч. 1. СПб.: Росток, 2017. С. 268.

Судник Т. Послесловие и публикации // Нёман. 1997. № 4. С. 255.

Бандарчык В. К. Беларусы. Т. 3. Гісторыя этналагічнага вывучэння. Мінск: Беларуская навука, 1999.

Караткевіч І. Слоўнік беларускай мовы Івана Насовіча: этналінгвістычны каментар // Acta Albaruthenica. 2020. Т. 20. S. 199–208.

Кісялеў Г. В. Пачынальнікі. Мінск: Навука і тэхніка, 1977.

Насовіч І. Слоўнік беларускай мовы. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1983.

Nosovič I. I. Slovar' bělorusskago narěčija. Spb. 1870. Nachdruck und Nachwort in zwei Bänden von G. Freidhof und P. Kosta. München Verlag Otto Sagner, 1984–1986. Bd. 1–2.

References

Bandarchyk, V. K. 1999. *Belarusy*. Vol. 3. *Gistoryya etnalogichnaga vyvuchennya* [Belarusians. Vol. 3. History of Ethnological Studies]. Minsk: Belaruskaya navuka.

Gilevich, N. 1997. Predtecha vrozozhdeniya [Forerunner of the Renaissance]. *Neman* 2: 180–182.

Karatkevich, I. 2020. Sloŋnik belaruskai movy Ivana Nasovicha: etnalingvistychny kamentar [Ivan Nasovich's Belarusian Dictionary: Ethnolinguistic Commentary]. *Acta Albaruthenica* 20: 199–208.

Kisyaleu, G.V. 1977. *Pachynal'niki* [Beginners]. Minsk: Navuka i tekhnika.

Labyntsev, Yu. A., Shchavinskaya, L. L. 2025 Kandidat bogosloviya Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii S. I. Sokolov i ego rukopisnaya «Istoriya Mogilevskoi pravoslavnoi eparkhii» 1852 g. [Candidate of Theology of the St. Petersburg Theological Academy S. I. Sokolov and his handwritten «History of the Mogilev Orthodox Diocese» of 1852]. In: *Tserkov' i ee istoriya v nauke i obrazovanii: Materialy III mezhdunarodnoi konferentsii XXXII Mezhdunarodnye Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniya «Pravoslavie i otechestvennaya kul'tura: poteri i priobreteniya minuvshogo, obraz budushchego»* [The Church and its history in science and education: Proceedings of the III international conference XXXII International Christmas educational readings «Orthodoxy and national culture: losses and gains of the past, the image of the future»]: 104–114. Moscow: Gosudarstvennaya Publichnaya Istoricheskaya biblioteka.

Nasovich, I. 1983. *Sloŋnik belaruskai movy* [Dictionary of the Belarusian language]. Minsk: Belaruskaya Savetskaya Entsiklapedyya.

Nosovič, I. I. 1984–1986. *Slovar' bělorusskago narěčija*. Spb. 1870. Nachdruck und Nachwort in zwei Bänden von G. Freidhof und P. Kosta [Dictionary of the Belarusian language. St. Petersburg, 1870. Reprint and afterword in two volumes by G. Freidhof and P. Kosta]: Bd. 1–2. München: Verlag Otto Sagner.

Pis'mo S. P. Mikut'skogo... Publikatsiya N. N. Vikhrovoy [Letter from S. P. Mikutsky... Publication by N. N. Vikhrova], 2017. In «*Den'*» I. S. Aksakova: *Istoriya slavyanofil'skoi gazety: Issledovaniya. Materialy. Postateinaya rospis'*. Part 1 [«Day» by I. S. Aksakov: History of the Slavophile newspaper: Research. Materials. Article-by-article list]. St. Petersburg: Rostok.

Sudnik, T. 1997. Posleslovie i publikatsii [Afterword and publications]. *Neman* 4: 255.

ACCORDING TO THE TESTAMENT OF THE MOGILEV CLERGY: BELARUSIAN STUDIES WORKS BY
I. I. NOSOVICH (1788–1877)

Abstract. Interest in the study of the history and culture of the Belarusian people, which arose in the first half of the 19th century, contributed to the emergence of the first scientists among them, some of whom were not professionally trained, but due to their talent were able to do a lot not only for the development of science, but also for the preservation of their national historical memory. Such was I. I. Nosovich (1788–1877), a native of the eastern Belarusian priestly environment, who received a seminary education, taught in many educational institutions, headed them and, finally, having retired with the rank of court councilor, took up, not without the influence of the inspiring advice of the Mogilev clergy, scientific research into the verbal culture of his people. From the late 1840 s to the mid-1870 s, he created and published many works on Belarusian studies, which remain in demand to this day not only among scientists, but also among society as a whole. I. I. Nosovich was also a poet, translator, and thoughtful Orthodox polemicist. Much of his scientific and literary heritage remains unpublished to this day. After more than a century and a half, we publish in this article a number of fragments from these manuscripts, so dear to I. I. Nosovich.

Keywords: Nosovich Ivan Ivanovich, Orthodoxy, Belarusian language and culture, Belarusian studies.

Authors Info: Labyntsev, Yuriy A. – Dr. in Philology, leading research fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), E-mail: u.labyntsev@inslav.ru , ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7900-6143>

For citation: Labyntsev, Yu. A. 2025. According to the testament of the Mogilev clergy: belarusian studies works by I. I. Nosovich (1788–1877). *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 41: 69–85

